

След на земле
О Валентине Михайловиче Куликове
28.01.1928 - 07.04.1996

Л.М. Ротштейн

Мы прожили вместе 36 лет и 7 месяцев, прошли сотни туристских маршрутов - маленьких и больших, ближних и дальних; 11 лет проработали плечом к плечу в туристском кабинете Дома пионеров; вместе были судьями областных, городских, всесоюзных туристских соревнований; 31 год вместе приводили туристские слёты и соревнования; вместе работали над программами, методичками, статьями; так что я видела Валентина Михайловича «со всех сторон горизонта».

Каким он был? Влюблённым в работу, жизнь, природу, женщин, своих кружковцев. Помню первое время я даже обижалась. Придёшь на свидание, а он только и рассказывает про своих детей — какой великолепный казначей Ваня Н. и какой завхоз Марина С. А потом поняла — он этим живет, это в жизни для него главное. Главное, что дети полюбили порученное им дело, относятся к нему увлечённо, не формально — значит он не зря работал, и что-то вложил в их сердца.

Куликов был одарённым, талантливым человеком; великолепно пел; хорошо рисовал, был прекрасным чтецом и рассказчиком, артистом (окончил 2 курса театрального училища), фотографом, писал стихи.

Не скрываюсь, не таюсь и не каюсь
Я и кистью и пером развлекаюсь.
Знаю - Репиным не быть; Пушкиным тоже,
Но без этого мне жить очень тошно.

Он был идеалистом, верил в идеи коммунизма. Уже совсем больной посещал все партийные собрания, выполнял партийные поручения, оставаясь верным своим коммунистическим убеждениям.

Он очень любил людей, ценил в них доброту, порядочность, верность.

И еще я прошу, «Айболютачка»
Вы до самых, до вьюжных дней
Не теряйте живую ниточку —
Не разлюбивайте людей!

Валентин Михайлович всё время что-то изобретал, делал маленькие блокнотики, в которых удобно вести путевые записи; планшетики с карманчиками, где в походе хранились карандаши. Для моего старенького отца придумал и сделал подставку на колесиках для стула, чтобы возить его. Придумал оригинальный противодождевой костюм туриста с длинной юбкой на 16 вишнёвых косточках.

Он очень любил и хорошо знал поэзию. Особенно любил стихи Есенина, Блока, Твардовского, многие знал наизусть и очень душевно декламировал. Валентин Михайлович остро реагировал, живо откликался на различные проблемные статьи в газетах и журналах, вел большую переписку. Писал в

прозе и в стихах, подписываясь «Валентин Весенний» и «В. Ветров». Он писал о дороге, о природе, о всём, что его волновало, чем он жил.

Где- то ждут тебя вагоны,
Бесконечный перестук...
И перроны, и перроны,
То свиданий, то разлук.

В. М. Куликов оставил яркий след на земле, вложив в своих воспитанников кусочек своего «Я», отдав каждому из них часть щедрого доброго сердца. Всю свою жизнь Куликов посвятил детям. В 1947 году по комсомольской путёвке уехал в бывшую Восточную Пруссию. 6 лет работал в Калининграде — комсоргом, инструктором по детскому туризму в городском Дворце пионеров. 17 лет работал кружководом и методистом Фрунзенского (Ленинского) Дома пионеров г. Москвы. 8 лет был директором Московской Городской Детской Экскурсионно-Туристской станции, 8 лет — заместителем директора Центральной Детской Туристской Экскурсионной станции СССР.

Куликов был личностью, специалистом высочайшего класса, не только в масштабах Москвы, но и в масштабах всей страны. О себе шуточно писал:

На директорское кресло
Куликов недаром сел
Он в туризме, всем известно,
Говорят, собаку съел.

Смыслом жизни для Куликова была работа, он и отдыхал, работая. Уйдя на пенсию, вел кружки «переменного состава», писал и составлял различные методические пособия: «Сборник нормативных документов по туристско-краеведческой работе с учащимися» (1991 г.), «Знатоки идут по следу» (1995 г.), «Походная туристская игротека», сборник № 1 (1991 г.) и №2 (1994 г.). Написал большую статью «Ориентирование» для Энциклопедии юного туриста (1993 г.) Работал над книгой «Школа туристских вожаков», которую не успел дописать. Дописанная мною она вышла дважды в 1997 и в 1999 годах.

Со школьниками и учителями Куликов прошел походными тропами полстраны — Подмосковьё, Владимирская область, Крым, Карелия, Карпаты, Заилийское Алатау, Алтай, Саяны, Тянь-Шань.

Он был романтик, выдумщик, фантазёр. Маршруты его походов пролегали по партизанским тропам Белоруссии, Псковщины; по местам боёв Смоленщины и бывшей Восточной Пруссии; по Ловозерским, Хибинским и Панским тундрам Кольского полуострова; по горам Приполярного и Полярного Урала. В Калужской области со школьниками собирал материалы о комсомольцах — подпольщиках, в Латгалии (Прибалтика) — о воинах-миномётчиках. На Брянщине вел поиски клада знаменитого разбойника Кудеяра.

Разработанные им маршруты были не только интересны по содержанию, но и необыкновенно красивы. И школьники, и взрослые готовились к каждому походу всерьёз — «копались» в литературе, готовили доклады и сообщения о природе района, его достопримечательностях; писали письма в разные

организации и учреждения, чтобы больше узнать о районе похода.

Валентин Михайлович все делал по—настоящему, всерьёз. И умел организовать работу так, что невозможно было не перенять эту добросовестность. Куликов очень любил природу. Его любимым «коньком» были ориентирование и топография. Ориентировался он потрясающе в любой местности, в любое время суток. Вспоминается такой случай. Наш туристский лагерь 36-й школы размещался в глухом лесном массиве, на реке Воре, в нескольких километрах от села Ахтырка. Холодная и довольно глубокая река исключала всякие неожиданные визиты, жили мы безбоязненно. В этот день все группы ушли в поход. В лагере остались я и 10 ребят. Близилась полночь. Спать не хотелось. Мы сидели у костра и при его свете читали вслух острую приключенческую повесть. В самый пик события, когда все были напряжены и ждали «что дальше», на книгу упала шишка. Все удивлённо переглянулись, деревьев над нами не было. Мы сидели на большой поляне. Вечер был тихий, безветренный. Откуда шишка? Продолжаем читать. Проходит несколько минут. Бах! Шишка падает перед нашими ногами. Напряжённо вслушиваемся в тишину. Тихо. Вокруг ни шороха. И вдруг опять шишка. «Серёжка, тащи топор и лопатку!» решительно говори кто—то, и тогда из темноты выходит к костру Валентин Михайлович.

— Я что, вас испугал?

— Господи! Ночью? Как вы нас нашли?

— По компасу, — смеётся он, — надо уметь ориентироваться.

В своих походах Куликов уделял ориентированию серьёзное внимание. Весь маршрут был разбит на участки. На каждом по два проводника и два дублёра, которые вели группу по маршруту. Так было и в детских, и во взрослых группах. Общее руководство осуществлял Валентин Михайлович, но тонко, тактично, не подменяя проводников; ненавязчиво учил их по ходу дела. И всегда мы безошибочно, точно выходили в намеченные пункты. За все годы лишь однажды был случай, когда Куликов «опростоволосился». Наш маршрут проходил по Архангельской области, по глухой тайге Онежского полуострова. Местность почти не населённая, в годы коллективизации сюда ссылали кулаков, большинство из которых, многосемейные семьи, своим трудом сколотившие крепкие хозяйства, не одобрявшие советскую власть и её желание «всех уравнять». В годы «оттепели», выжившим в суровых условиях Севера, разрешили вернуться на «Большую землю». И они, побросав свои хозяйства, уехали, чтобы вновь начать новую жизнь

Наш маршрут начался с приключения, которое едва не закончилось трагедией. Пароход «Вацлав Боровский» летом 1965 года доставил нас, группу учителей, на Онежский полуостров, в посёлок Усть-Наволоок. Из-за мелководья пароход не причаливал к берегу, а вставал на якорь далеко от него. Пассажиров на берег доставляли на моторных лодках «Дорис», которые местные называли «Дора». И вот мы в посёлке. До выхода на маршрут необходимо было сделать два дела: отметить маршрутную книжку нашего похода и сделать запас хлеба на несколько дней пути (после чего перейдём на свои запасы сухарей, так как магазинов на пути, как и населённых пунктов, не будет много-много дней).

Купили хлеб, уложили его в свои рюкзаки и пошли искать учреждение, где можно поставить печать, подтверждающее наше пребывание в Усть-Наволоке. Неожиданно на нашем пути встал военный в плащ—палатке; он (как нам показалось вначале) очень игриво стал интересоваться кто мы и откуда, да куда держим путь. Нам бы сразу догадаться, что он начальник, но плащ-палатка скрывала погоны. Он явно был недоволен нашим появлением, сухими ответами и потребовал документы. Пришлось предъявить маршрутную книжку и разрешения пограничных войск на въезд в этот район. Мужчина со всех сторон повертел наши бумаги и сказал решительно: «В течение часа покинуть территорию!» Мы почему—то решили, что он пьян и засмеялись. «Вацлав Воровский», дав прощальный гудок, давно отчалил и уже успел отплыть довольно далеко; с одной стороны было море, с другой что — то вроде проходной — войсковая часть. Но военный и не думал шутить и повторил свою команду. Рядом появилось несколько вооруженных солдат и нам стало ясно, что начальник не шутит. Нас посадили в «Дору», вернули наши документы. На вопрос куда нас повезут, ответили лишь, что вывезут из зоны. Подул ветер. Белое море заволновалось. Моторист был «на взводе». Но как только мы отплыли от берега, достал откуда—то из-под сиденья бутылку неразведённого спирта с большой этикеткой, выпил примерно четверть, закусил большим помидором и мы поплыли дальше. Плыли больше часа. Это был какой-то кошмар. За бортом — большие волны с белыми гребешками. Сверху дождь. А в «Доре» весёлый моторист, который, подморгнув женщинам, с третьего захода опорожнил бутылку. Наконец мы причалили к берегу у какой—то одинокой избы, её на нашей карте не было. Где мы? На просьбы ответить, куда он нас привёз, моторист ответил беззаботно: «Не положено» — видно здорово был проинструктирован. И уплыл, а мы растерянные остались у избы, пытаюсь понять, где мы.

Карта была плохая — растянутая пятикилометровка, которая совсем не передавала характер местности. Даже Валентин Михайлович не мог найти точку нашего стояния. Дождь шел не переставая. Мы решили заночевать в избе. На счастье, вечером к избе причалила «Дора» с рыбаками и они нам объяснили куда нас «закинули».

Маршруты высших категорий сложности, которые мы прошли после Онежского полуострова, показались нам значительно легче. Онежский был тяжёлым испытанием. Дождь продолжался весь наш маршрут. Через несколько дней пути мы покинули берег Белого моря и ушли в тайгу. Дремучий лес, где, кажется, до нас не ступала нога человека. (К слову, мы были первой группой решившийся летом пройти Онежский полуостров). Глухая тайга. Движение похоже на тренировки бегуна—барьериста; в течение десяти минут на пути в двести—триста метров до 40 препятствий; поваленные огромные стволы деревьев, непроходимый еловый молодняк, бугры, ямы, скрытые в воде; ручьи в глубоких, как траншеи, канавах, скользкие замшелые камни среди болотных пятен. Перешагиваем, перелезаем, обходим эти препятствия, подлезаем. Мокрые с головы до ног. Особенно мрачен лес по реке Быковке. На скользких горбатых корнях деревьев и на стволах зелёным тряпьем свисают мхи, мы их

называли «ведьмины волосы». Мертвые, липкие, рухнувшие когда—то огромные ели, оцетинились своими торчащими сучьями. Участки выгоревшей тайги с чёрными зловещими стволами и берёзовая сырь, разодетая в зелёные бархатные лохмотья — всё это кажется фантастической декорацией к страшной сказке о Бабе — яге. Скользим, падаем, проваливаемся в ямы. Выйдешь на кромку берега — трава по грудь, не пройти. Впереди идущий альпенштоком рубит её. В траве ямы, камни. Пейзаж давит, угнетает. Река Быковка кажется бездонной — чёрная пугающая, неподвижная вода вровень с берегом. Извилистость реки поразительная: словно змея извивается, петляет по болотам. Двигаемся, пытаюсь срезать многочисленные петли Быковки, не теряя её из виду. Она наш единственный ориентир. Вот тут — то и произошла история, к которой подбираюсь издалека. Местность выматывает. Идём целыми днями по 8—9 часов. Скорость движения очень маленькая. Идём по 30 минут и отдыхаем. После обеда сделали 4 перехода и присели на очередной привал. И вдруг кто-то удивлённо вскрикнул, потрясая какой-то бумажкой. В руках был фантик от конфеты «Барбарис». Сомнений не было, это был наш фантик, больше здесь людей нет. Мы уже сидели на этом месте! 2 часа нас «чёрт водил» по одной из петель Быковки. Как же переживали наши проводники, а больше всех Валентин Михайлович! Он долго не мог простить себе эту ошибку.

Самой большой любовью, одним из самых любимых дел Валентина Михайловича были туристские соревнования. Какие только соревнования он ни придумывал! Сколько любви и тепла вложил в каждое из них! Свои соревнования тщательно обдумывал, готовил, продумывал всё до мелочей. Он удивительно умел все просчитывать наперёд, предусматривать и предвидеть. Куликов окончил Московский топографический техникум по специальности «Топография». Профессиональный техник—топограф для всех соревнований готовил карты сам — в те годы достать подробную карту местности было невозможно. Изучал полигон будущих соревнований и начинал съёмку. Иногда привлекал к работе кружковцев и своих бывших воспитанников. Но больше любил работать один, наслаждаясь красотой и тишиной леса, который он очень любил. Шагами измерял расстояния, нанося на планшет ситуацию, ориентиры. По своим зарисовкам вычерчивал карты, которые отличались ювелирной работой и большой точностью.

Он придумал уникальные соревнования по туристскому ориентированию «Партизанские тропы». Они проводились в ночное время. Это были самые любимые соревнования школьников района, они выдержали испытания временем — проводились 40 лет.

29 лет проводились интересные соревнования, которые Валентин Михайлович придумал в 1963 году — «Смотр готовности к летним многодневным походам». Смотр давал возможность проверить готова ли группа к запланированному летнему маршруту и может ли на него выходить. Смотр не только всесторонне проверял готовность групп по 13 пунктам программы, но и помогал лучше подготовиться к походу, перенять опыт более подготовленных групп.

В.М. Куликов — отец и КТМ (контрольного туристского маршрута). Он не

только придумал и апробировал эти соревнования, но и утвердил в 1979 году решением бюро Центрального совета по туризму и экскурсиям «Временные правила туристских соревнований школьников по виду «Контрольный комбинированный маршрут».

Валентин Михайлович всё время стремился к тому, чтобы детям было интересно. Придумал, что на контрольном комбинированном маршруте «Шестиклашка» совсем не было судей, вместо них на маршруте «работали» местные предметы — квартальные столбы, лесные кормушки, высоковольтные линии. Школьники с восторгом отыскивали на местности эти контрольные пункты и отвечали на контрольные вопросы.

Он был фанатом туризма, в хорошем смысле слова, умел и заставлял всех поворачиваться лицом к детскому туризму и верить в него, как в самую интересную, самую действенную форму воспитания и образования школьников. Он был Учителем «от бога». Всё время придумывал новые формы обучения школьников и учителей. Умел объяснить самое сложное просто, интересно, так что «доходило» с первого раза. А ещё он был кружководом. Ежегодно вёл несколько кружков. Работал с огромным увлечением, и детям с ним было интересно. К каждому занятию кружка готовился тщательно, будто к лекции перед ответственной аудиторией. Он и считая детей самой ответственной, самой взыскательной аудиторией. Кружки работали по программам «Юные туристы проводники» (автор В.М. Куликов) и «Пешеходный туризм» (авторы В.М. Куликов, Л.М. Ротштейн). Эти программы были изданы позднее Минпросом СССР в 1982 году в сборнике программы для внешкольных учреждений и общеобразовательных школ. Большой выдумщик, он многое делал в форме игры, начиная с названия группы (кружка) «Чёрный козлик», «Эдельвейс», «Тайга», «Таёжник», «Грофа», «Таганай», «Эльбрус». У каждого кружка своя эмблема. Сколько мастеров своего дела подготовил Валентин Михайлович! Восемь его воспитанников стали чемпионами г. Москвы по ориентированию!

Каждый год был огромным событием в жизни кружковцев. Тренировочные походы, которые они проводили ежемесячно, были подготовкой к многодневному летнему походу.

Страницы дней листают годы,
Дни в Лете тонут без следа,
Но лето «Грофы» — те походы
Тот спуск, те тропы, переходы
Горянок- рек, как лёд, вода...
Ты знаешь — это навсегда!

Валентин Михайлович придумывал для кружковцев интересные соревнования по ориентированию, топографии, технике туризма, — «Весна», «Осень», «Желтый лист», «Снежок», «Питекантроп», «Аврора». На эти соревнования приглашались и команды школ. Про Куликова говорили, что он в туризме — поэт. И это очень точное определение, потому, что в каждое дело, которое делал Валентин Михайлович, он вносил столько вдохновения,

творчества, добра — будто писал поэтическое произведение, а вычерченные им карты были настоящим произведением искусства. Он учил детей не только ориентироваться на местности и грамотно ходить в походы, он учил их любить свою землю, людей, дружить. Учил добру и порядочности. Куликов воспитал сотни школьников. Многие из них профессионально посвятили свою жизнь туризму, топографии, геологии, географии.

Он умел всё разложить «по полочкам». Как-то на лету схватить главное в любом деле и сделать из него «конфетку». Он был творцом и в каждое дело вносил «изюминку». А дела эти можно перечислять и перечислять. Это и:

— Выпуск методического журнала «Туристский огонёк», который издавался 14 лет.

— Разработка туристских значков для стимулирования роста мастерства юных туристов:

«Мастер магнитной стрелки»

«Инструктор — проводник»

«500 километров»

«Золотая норма ГТО»

«3 похода по Ленинским местам»

«3 похода по местам боевой славы»

«Проведение похода «100 километров за 24 часа».

Валентин Михайлович был находчив, остроумен и обладал удивительным даром — умением донести до каждого суть вопроса, при этом находя именно те слова, которые убедят именно этого человека. Умел найти неожиданные формы убеждения, найти выход из любой ситуации. Был однажды такой случай. Проходил один из первых смотров готовности к летним многодневным походам. Было это в 1967 году. Место, которое мы выбрали для смотра готовности привлекло нас тем, что это была не обычная большая поляна, а не большие пятачки — залысинки, где на каждом могла автономно разместиться группа. Так как там было множество старых туристских стоянок, которые наши группы добросовестно очистили, мы наивно решили, что никакого разрешения лесничества получать не надо. Провели смотр; всё за собой убрали, И вдруг, спустя какое — то время, я (а я была главным судьёй) получаю повестку в суд. Меня обвиняют в потраве 20 га луга и рубке 20 деревьев. Явились в суд в назначенное время; я, Валентин Михайлович, три очень авторитетных наших свидетеля и один из милиционеров, который был все дни на смотре. Со стороны обвинения было два человека: лесник и главный инженер лесничества. Допросили меня, обвинение, 3-х свидетелей. Судьи угрюмо молчали. Свидетельство милиционера о том, что у нас был полнейший порядок, порубок не было, а луга как такового не было вообще, а значит, нечего было топтать, тоже не произвело на судей впечатления. Но вот вызвали Валентина Михайловича. Внимательно посмотрев на судей, он тихо спросил: «Что же получается? Приехала в лес Ротштейн, взяла топор и пошла рубить. Уничтожила 20 деревьев, но этого ей показалось мало. Тогда она легла на траву и стала кататься туда — сюда и таким образом потравила 20 га луга». Зрители в зале хохотали в голос, Судьи закрывали лицо руками, не в силах сдержать

улыбки. «Когда выступил ваш последний свидетель, — я понял, что дело проиграно» — сказал после суда главный инженер. Суд признал иск не обоснованным.

Валентин Михайлович был целеустремлённым, глубоко порядочным человеком, ненавидел всё показное.

У нас свирепствует мажор
Слоном показывают муху
Но с самых ранних юных пор
Я ненавижу показуху.

.....
Я ненавижу юбилеи!
От показухи рвать — тошнит!
Противен по самой идее
Торжеств помпезный колорит
Где подхалимствуют трещетки,
Где торжествует фарисей
А то ли дело — рюмка водки
В кругу испытанных друзей!

С именем Валентина Михайловича связаны, разработанные им лично, и утверждённые в стране законодательно, «степенные походы», «"Положение об организаторе школьного туризма», «Правила соревнований по топографической съёмке».

В.М. Куликов — кандидат в мастера спорта СССР, «Отличник народного просвещения», награждён знаком «За заслуги в развитии туризма и экскурсий», автор целого ряда методических пособий, статей, книг о детском туризме.

А народ молчит да слушает,
Ушко в ушко — «шу-шу-шу».
Позволяет каждой шушаре
Вешать на уши «лапшу».

Над нашей кровлей быстро проносилось
Рябая стая лёгких голубей.
И мне казалось или просто снилось,
Что я плыву в мечту, в край голубых степей.

Край я вижу, где простор и воля,
Где птицы песни звонкие поют...
Там может быть уютится моя доля,
Но мне они её не принесут.

Не принесут мне счастья и веселья,
Не принесут улыбку и цветы...
И лишь весна трезвонящей капелью
Освободит от дум и тяготы.

1959 г.